

Полоцкая тетрадь? Нет. Остромечевская рукопись? Да!

Дважды я выступал в печати и несколько раз — на различных конференциях с заверением, что известная рукопись XVII столетия с многочисленными записями светской музыки должна называться не «Полоцкая тетрадь», а «Остромечевская рукопись». Однако воз и ныне там: в программах концертов, статьях и надписях на музыкальных дисках повторяется живучий стереотип, родившийся случайно и по недоразумению. Поэтому ради восстановления исторической справедливости на сей раз прибегаю к содействию «СБ».

Полусостоявшаяся находка

Началось все в 1964 году во время моей первой зарубежной научной командировки. В Кракове, в знаменитой библиотеке Ягеллонского университета, узнав, что я из Беларуси, библиотекарь отдела редких книг обратилась ко мне с просьбой:

— Несколько лет тому мы купили у переселенцев религиозную книгу, кажется, униатскую, — вот этот служебник. В нем пером помечено, что находился он в церкви селения Остромечево. Где оно могло бы располагаться?

— С ходу не скажу. Вероятно, на Брестчине, где в 1596 году родилась уния. Но давайте вместе посмотрим ваш авторитетный «Географический словарь Королевства Польского и других славянских стран».

В седьмом томе словаря, изданном в Варшаве в 1886 году, на 693-й странице действительно нашелся вот этот короткий текст: «Остромечев, на карте Хшановского Остромечево, деревня в Брестском уезде, в трех верстах юго-западнее Лыщиц, по дороге из Бреста к Высокому Литовскому, собственность князя Александра Пузыны». Библиотекарь посчитала это весомым аргументом. Правда, резонно заметила: в словаре ничего не сказано, с какого года Остромечево ведет свое летоисчисление, существовало ли оно уже в XVII столетии и находилась ли там церковь.

Отдавая служебник, я обратил внимание библиотекаря на то, что сквозь трещины в утолщенной обложке давней книги проглядывает нечто рукописное — не то буквицы, не то нотные крючки:

— Вот бы вскрыть обложку...

— Не наше это дело, — получил ответ. — Вскрывать должны специалисты. Посоветую обратить внимание на эту книгу.

В то время я занимался только XIX столетием, поэтому вскоре о полусостоявшейся находке более раннего периода совершенно забыл. И был приятно удивлен, когда из польской печати узнал, что выклеенная из обложки служебника рукопись вызвала интерес у известного музыковеда Ежи Голоса. По месту нахождения она была названа Ягеллонской. Голос расшифровал давнишние нотные записи, и на основе четырех из них была создана грампластинка. По моей просьбе краковские друзья прислали ее мне, а одним из первых слушателей пластинки стал Владимир Короткевич. Светская, песенная музыка с явными стилевыми чертами барокко вызвала его восхищение.

Так рождаются мифы

И вот однажды под впечатлением услышанного Владимир Короткевич предложил вместе пойти в зал Союза писателей на концерт инструментального ансамбля «Кантабиле», чтобы послушать барочную музыку. Звучали произведения итальянских, французских, русских композиторов, анонимные произведения.

— А дзе ж беларускае барока? — недоумевал Володя. — Няўжо яго не было? Што ж тады мы слухалі ў цябе з той польскай кружэлкі?

А ведь я со своими соображениями и предложениями уже ходил к белорусским музыковедам. Но в ответ слышал, что пластинка польская, а рукопись на конверте названа «ягеллонской», написана же музыка неизвестно кем. Я парировал, что рукопись, судя по надписи на конверте, бытовала на территории Беларуси и что популярная, песенно–танцевальная музыка в эпоху барокко была в принципе анонимной, то есть «всехней», общеевропейской, и при определении, кому она принадлежит, сегодня, прежде всего, учитывается место бытования. Но снова

слышал: белорусского барокко просто не может быть, потому что в те времена и Беларусь–то не существовало.

В антракте Володя толкнул меня в бок:

— Дык ідзі да іх за сцэну і пастарайся зацікавіць хоць «Кантабіле». Можа, пераканаш іх.

Перспектива исполнять произведения и белорусского барокко действительно заинтересовала музыкантов. Но происхождение оригинала смутило их:

— Кто же знает это Остромечево?!

— Может, такое селение есть и под Полоцком... — вмешался в разговор один из музыкантов.

— Во всяком случае, вот смотрите, на конверте пластинки указано, что помещенные на ней песни бытовали... на Полотчине!

— Вот–вот! Давайте «танцевать» от Полоцка — его знают все, а Остромечево — никто... Поэтому назовем рукопись «Полоцкой тетрадью»!

— Но это будет фальсификацией, нарушением исторической правды, — попытался я возражать.

— Без популярного брэнда мы не возьмемса это исполнять, — прозвучал вердикт. — Так что соглашайтесь с нашим условием и заказывайте в Кракове копию той тетради. Сами выберем лучшее.

И я невольно смирился: лучше исполнение под таким брэндом, чем замалчивание вообще. Подумал, что время — раньше или позже — все расставит по своим местам.

Через несколько месяцев по линии межбиблиотечного обмена в отдел рукописей нашей академической библиотеки пришел желанный микрофильм. На нем поместилось несколько десятков (в некоторых публикациях называется даже цифра около двухсот) начальных строк музыкальных произведений со словами песен. Вскоре они зазвучали в исполнении «Кантабиле», а затем и других коллективов, а также солистов. Особенно удачно использовал

так называемую «Полоцкую тетрадь» хореографический ансамбль «Харошкі» под руководством народной артистки Беларуси Валентины Гаевой. Талантливо поставленный ею балет без всяких оговорок назывался «По страницам Полоцкой тетради» и принес коллективу широкую славу. А название стало привычным брэндом, усвоенным на сознательном и подсознательном уровнях.

Истина проясняется

Не знал ни я, ни артисты из ансамблей «Кантабиле» и «Харошкі», ни другие исполнители, что уже ко времени, когда велись наши словесные баталии, Ежи Голос изменил свое прежнее мнение. Польские коллеги прислали мне с опозданием лет этак на пять (с гуманитарной информацией у нас было и есть плохо) копию статьи «Новый взгляд на рукопись 10002 из Библиотеки Ягеллонской», помещенной в журнале «Музыка» за 1973 год (№ 3). Не найдя никаких сведений об Остромечево под Полоцком, он пришел к тому же выводу, что и я в 1964 году: поскольку в рукописи нет «русских» песенных текстов, а находятся одни польские, появиться она, естественно, могла только на белорусско–польском пограничье, каковым является Брестчина.

Внимательно проанализировав водяные знаки на бумаге рукописи, Ежи Голос заключил, что появилась она на свет между 1633 и 1650 годами, а сам служебник был переплетен не позднее 1680 года. Неизвестный нам переплетчик, скорее всего, лицо верующее, без угрызений совести использовал рукопись с любовными (а поэтому «дьявольскими») песнями как «наполнитель» для объемистых обложек.

Опережая соседей

Публикация песенных текстов, выклеенных Голосом из обложки служебника, в книге «Старопольская музыка» (Краков, 1966), вызвала настоящую сенсацию. И не только в Польше, но и на белорусских и украинских землях, и в России. Еще бы! Ведь на украинских землях не известно подобного песенника, а в российской державе светская музыка в XVII веке до Петра Первого запрещалась как исчадие ада. Правда, как свидетельствует выявленный мной в Ленинграде и описанный потом рукописный песенник ярославской купчихи Протопоповой, белорусская песенно–интимная лирика доходила и до Поволжья, адаптировалась там, приближаясь к русскоязычию.

А в Поднепровье, Подвинье и Понеманье белорусская барочная песня расцветала. Ее тексты мне удавалось находить в Москве и Ленинграде, Вильнюсе и Киеве, Варшаве и Вроцлаве. Но наиболее значительной находкой считаю «Сборник польских и русских стихотворений», хранящийся в Кракове, в библиотеке Чарторыйских, имевших владения на Оршанщине и Могилевщине. В этом рукописном песеннике, названном «Оршанским кодексом», имеется 66 белорусских и белорусско–украинских произведений песенно–интимной лирики. Он, как и «Остромечевская рукопись», анонимен в принципе. Его создатели, странствующие школяры и музыканты, зарабатывали на хлеб песней и совсем не заботились о своих авторских правах. Они путешествовали от дворца до дворца, от одной шляхетской усадьбы до другой, но часто останавливались ночевать в деревенских корчмах, пели и играли для крестьянской молодежи.

Произведения песенно–интимной лирики родились на перекрестке цветистой барочной поэзии и фольклорных традиций. Для них свойственна диалогическая форма (значит, исполнялись они дуэтом). Приведу для примера начало одного произведения из «Оршанского кодекса»:

— *Анусю, сэрдэнько, паліш маю душу,
Серед ночы о паўночы да цябе прыйсці мушу.*
— *Панусеньку, галубоньку, ці маю верыці,*

Што тваё сэрдэнько хочэт мне служыці?

Некоторые лирические песни искусственного происхождения, а также переводы с польского языка адаптировались настолько, что пошли в народ, стали фольклорными по способу распространения и как таковые включаются в современные сборники. Но я, как правило, их безошибочно узнаю преимущественно по диалогической форме, а также по барочной цветистости, вычурности, парадоксальности.

«Оршанский кодекс», другие находки были мной подробно исследованы в монографии «На скрыжаванні славянскіх традыцый» (1980), включены в различные антологии. Но все же некоторая досада осталась. Ведь, с одной стороны, существует «Остромечевская рукопись» (но никак не тетрадь — ведь никто ее не сшивал) с большим количеством песенных напевов в трех ритмах — казачка, мазурки и паваны (медленный танец, привезенный студиями из Падуанского университета в Италии), но текст песен там польский. С другой стороны, имеется «Оршанский кодекс» с богатым запасом белорусских лирических песен, где чувствуются те же три ритма, но там нет нот... А что если контаминировать оба источника? Ведь «Харошкі» или другой ансамбль могли бы не только плясать, но и петь! Такую мысль я не раз высказывал. Однако мне трезво возражали: «Сначала напечатайте оба источника вместе, а там будет видно». Со стороны издательств желания не было.

Инициативу проявили остромечевцы

И вдруг дело сдвинулось с места самым неожиданным для меня образом. Весной этого года во время Международной книжной выставки–ярмарки намечалась презентация документального повествования Владимира Липского «Мужик», посвященного нашему известному экономисту–аграрнику, заслуженному работнику сельского хозяйства Алексею Скакуну. Это он с 1982 года успешно руководит сельскохозяйственным коллективным предприятием «Остромечево». Владимир Степанович позвонил мне и предложил прийти на его празднество, рассказать о моих баталиях за восстановление исторической правды. А через месяц Алексей Степанович пригласил Владимира Липского и меня встретиться с небольшой командой его специалистов.

Они рассказали, что Остромечево скоро исполнится 500 лет. К юбилею нужен свой брэнд. И таковым может явиться «Остромечевская рукопись», изданная по копии, хранящейся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа НАН, и некоторым польским публикациям. Со своей стороны я предложил включить туда же песенно–интимную лирику из «Оршанского кодекса», ровесника рукописи. Оба родственных источника будут хорошо дополнять друг друга. Станут настольной книгой для историков и музыковедов, композиторов и артистов.

Осталось только ответить на вопрос: а была ли в XVII веке в Остромечево церковь? После коротких поисков удостоверился: да, была. В третьем томе энциклопедии «Гарады і вёскі Беларусі» я нашел сведения, что в 1846 году на месте совсем состарившегося деревянного Михайловского храма здесь возведен новый из бутового камня и кирпича. Существует он и поныне. И вполне вероятно, что когда–либо сюда будет из Кракова возвращен (или выкуплен у библиотеки) служебник с толстыми обложками. Либо же помещен в библиотеку имени книгоиздателя Ф.Павленкова, открывшуюся здесь в 1905 году. Из Остромечево книга была вывезена, скорее всего, тайно, а вернуться может, при доброй воле заинтересованных сторон, с почестями. Конечно, «Остромечевская рукопись», как и служебник, — это культурное наследие двух народов, но все–таки оно должно храниться там, где находилось изначально.

Адам МАЛЬДИС